

Я не родился с серебряной ложкой во рту, но ложку я взял в руки, как только появился на свет.

Мои родители были теми, кто изготавливал эти ложки.

В 60-е и 70-е годы прошлого века район Чонпо-дон в Пусане был заполнен маленькими мастерскими по металлу.

Искры летели от сварочных горелок, звуки ударов по металлу эхом разносились по переулкам, но для меня это была веселая игровая площадка, а для моих родителей - ценный заработок.

Играть в шарики, шлепки и пятнашки было весело, но у детей в цехах была особая игра.

С наступлением сумерек мы бегали по окрестностям с большим магнитом, привязанным к веревке, и собирали всевозможные металлические кусочки.

После окончания раунда мы обменивали собранный металлолом в лавке старьевщика на сладости или слоеный рис.

Пока мы наслаждались закусками, взрослые заканчивали день сушеным минтаем, зажаренным на углях, и стаканом соджу.

"Отец! Я снова получил отличную оценку на экзамене".

Однажды я прибежал к отцу после школы, держа в руках контрольную работу с отличной оценкой.

Каждый раз, когда я набирал 100 баллов, он давал мне 50 вон в качестве награды, и в тот день я был рад купить закуски.

"Хаха, молодец, дитя мое. Усердно учись и стань великим человеком".

"О чем ты говоришь, дорогой? Сынок, ты должен хорошо учиться и стать богатым. Тогда ты сможешь жить счастливо с красивой женой в большом доме".

Слова матери понравились мне больше, чем слова отца. Я хотел сказать, что женюсь на самой красивой девушке в мире.

"Я буду и тем, и другим. Я буду хорошо учиться и стану великим и богатым человеком".

«Хаха, наш сынок такой умный».

Мои родители были в восторге, поглаживая меня по голове.

Я и не подозревал, что эти слова станут их последней волей.

Моя довольно приятная жизнь в мастерской была разрушена, когда рано утром следующего дня в наш дом врезался грузовик.

Наш дом выходил прямо на дорогу, поэтому не было никакой возможности избежать столкновения с грузовиком, которым на рассвете управлял сонный водитель.

В 11 лет я потерял обоих родителей и был вынужден жить с тетей.

Мастерская была арендована, как и станки, поэтому родители не оставили мне никакого наследства.

Поскольку у водителя грузовика в 70-е годы, скорее всего, не было страховки, компенсация за смерть двух человек не полагалась. Даже если бы она была, она не досталась бы такому ребенку, как я.

Мое детство закончилось внезапно, и с тех пор все, что я мог делать, - это бешено учиться, смиряясь со своим положением.

Тетя жалела меня, а вот дядя - нет.

Уже с трудом сводя концы с концами, он пинал меня, когда пил, жалуясь на то, что ему приходится брать на воспитание племянника.

В такие моменты я заползал под стол, накрываясь одеялом.

С маленькой лампочкой под столом я проводил ночи за заучиванием учебников, которые стали моей единственной надеждой и убежищем.

К счастью, я знал, что если буду безрассудно убегать, то либо умру от голода, либо стану бандитом.

Учиться мне было неинтересно, но мне это было и не нужно. Отчаянная потребность сбежать из этого дома была моей движущей силой и лучшим учителем.

Все, что я делал, - это запоминал и снова запоминал.

Я не мог позволить себе справочники, поэтому заучивал учебники и свои заметки, напряженно

концентрируясь на занятиях.

В результате я редко становился лучшим учеником в средней и старшей школе, а на вступительных экзаменах 1983 года набрал 305 баллов и с гордостью поступил на факультет машиностроения в университет К.

Не то чтобы мне особенно нравился машиностроительный факультет университета К, но он предлагал полную четырехлетнюю стипендию и общежитие студентам, набравшим более 300 баллов на вступительных экзаменах, так что колебаний не было.

Даже если бы меня приняли в Сеульский университет, я не мог позволить себе оплачивать обучение и проживание в Сеуле.

Хотя тетя немного заботилась обо мне, дядя постоянно твердил, чтобы я поскорее зарабатывал деньги, чтобы отдать долг за мое воспитание.

Он уже был недоволен тем, что я не учился в коммерческом или техническом вузе, поэтому я не мог продолжать надеяться на них, имея в качестве залога свою будущую зарплату.

В общем, после этого я стал полностью самостоятельным.

Стипендия покрывала расходы на обучение, а репетиторством я зарабатывал около 500 000 вон в месяц. (~500 долларов)

Этого хватало на жизнь.

После окончания школы, когда пришло время искать работу, в школьном офисе скопились анкеты от четырех крупнейших корейских конгломератов.

В середине 80-х, когда я окончил университет, студентам инженерных специальностей гарантировали 400%-ный уровень трудоустройства, что делало это возможным.

Среди этих заявлений я подал заявку в Daese Construction, девиз которой гласил: «Творчество, вызов, самопожертвование».

И не потому, что мне нравился девиз, а потому, что там также было написано: «Частые зарубежные командировки, предпочтение отдается англоговорящим».

Меня прельщала возможность летать за счет компании.

Это был наивный выбор, но в те времена вступление в любой конгломерат означало отсутствие

забот о зарплате.

Я упорно трудился, всегда говоря: «Да! Я сделаю все, что в моих силах», «Извините».

Хотт это и был конец экономического бума, тем не менее, я пережил строительный бум на Ближнем Востоке, стал начальником участка на заводе в Юго-Восточной Азии и получил повышение до руководителя нового подразделения по работе с морскими заводами.

Примерно через 15 лет моей карьеры группа Daese внезапно распалась.

Несмотря на финансовый кризис МВФ, она потерпела шокирующий крах.

Второй по величине конгломерат в Корее развалился на части, его долги составили 89 триллионов вон, что стало одним из крупнейших банкротств в истории человечества.

Председатель У Чан Су, который был примером для подражания для зарплатников благодаря своему глобальному менеджменту, в одночасье стал посмешищем, а сотрудники разбежались.

Будучи сотрудником, я жил в соответствии с девизом компании, но творчество и вызов померкли, и осталась лишь жертвенность.

Я чувствовал себя невероятно обиженным.

Я не только потерял работу в одночасье, но и, несмотря на 15 лет службы, даже не получил выходного пособия.

Это был такой беспрецедентный национальный кризис, что жаловаться было некуда.

Это вернуло меня к кошмару потери родителей в моем детстве.

И снова я боролся за выживание, собрав коллег, оказавшихся в похожей ситуации, и создав небольшую строительную компанию.

Как говорится, необходимость - мать прогресса.

Как раз в то время, когда строительная отрасль находилась на дне, в 2000-х годах в Сеуле появились новые городские постройки и проекты по перепланировке, что дало отрасли новую жизнь.

Но затем, когда казалось, что жизнь налаживается, все снова рухнуло.

"Срочные новости: В городе А провинции Кёнгс обрушился недавно построенный жилой дом".

Как только я увидел экстренные новости, я поспешил на место, где царил хаос.

Внешняя стена дома полностью оторвалась.

Арматура, которая должна была быть прочно вмонтирована в бетон, была обнажена, как рыбы кости. Очевидно, это произошло из-за недостаточного затвердевания бетона.

"Да... Президент. Я ужасно сожалею. Простите."

"Как бы ни давил на вас главный подрядчик, я неоднократно говорил вам не заливать бетон в такую погоду! Постоянно держится минусовая температура! Даже с обогревателями шести дней недостаточно. Ему нужно было как минимум десять дней для затвердевания".

Для того чтобы залить бетон и дать ему затвердеть, требуется физическое время.

Несмотря на то что я всю свою карьеру провел на стройке, я никогда не видел такого халатства.

С начала декабря до середины января стояла устойчивая морозная погода, поэтому, сколько бы мы ни использовали обогреватели, бетон не мог затвердеть как следует.

Кроме того, пандемия COVID-19 вызвала дефицит строительных материалов, а сам проект несколько раз останавливался, что не позволяло нам выделить необходимое время на работы.

Предпродажа была запланирована на август, а сейчас середина января, и главный подрядчик отчаянно пытался наверстать упущенное время, что не позволяло нам уложиться в срок.

"Как бы ни было важно сократить сроки строительства, это было чрезмерно".

"Главный подрядчик пригрозил расторгнуть контракт, если мы не зальем бетон к сегодняшнему дню, так что у нас не было выбора. Мы и раньше заливали бетон с интервалом в шесть дней без каких-либо проблем, но почему в этот раз все по-другому?"

"Это стало возможным только потому, что этажи аварийной эвакуации до 20-го этажа выдержали. Выше этого этажа в проекте квартиры нет несущих стен. Вы должны давать указания, зная об этом".

"... И.. что нам делать, президент?"

Сердиться было бессмысленно.

Что бы ни говорил главный подрядчик, мы были теми, кто заливал бетон.

После катастрофы такого масштаба нашей компании будет сложно выжить в этой отрасли, и мы даже можем потерять лицензию на строительство.

«Менеджер Ким, есть ли у вас инструкции?»

«Есть ли у нас доказательства того, что мы отказались работать в такую погоду?»

«Да. Все телефонные разговоры записаны».

Нам пришлось как-то отбиваться.

Это было неубедительное оправдание, но мы должны были утверждать, что лишь следовали инструкциям главного подрядчика.

"Простите, президент? О чем вы говорите?"

"Нам нужно сделать фотографии. Разве они не приказали нам заливать бетон, не укрепляя временные опоры?"

На месте обрушения почти не было видно временных опор.

Затвердевшие бетонные колонны и плиты не выдержали веса заливаемого сверху бетона.

В квартире удобство и безопасность жильцов должны быть приоритетнее прибыли подрядчика... Это напомнило мне о падении Daese Group из-за жадности председателя Ву.

И снова кошмар вернулся ко мне.

Если бы я только не присоединился к Daese Group... Или если бы председатель У не разрушил компанию...

Сожаление и гнев были невыносимы.

"Сфотографируйте все! Нам нужно взять образцы затвердевшего бетона, чтобы проверить его прочность. Мы всего лишь субподрядчик, заливающий бетон, а не главный подрядчик или контролирующая компания".

Наша компания специализировалась на заливке бетона с помощью грузовиков с готовой смесью и автомобилей-насосов.

Главный подрядчик явно пренебрег стандартами твердения бетона и заказал заливку, и отсутствие армирования опалубки во время заливки, несомненно, было их виной.

Оставленные улики могут помочь нам избежать полной вины.

Я поднял смартфон и пошел дальше внутрь.

До 20-го этажа были несущие стены, и я подумал, что могу осторожно подняться по лестнице и сделать снимки.

"Осторожно! Президент, это опасно".

Я понял, что ошибся в своих суждениях, когда поднялся на 3-й этаж.

Потолок уже провис, и куски бетона начали падать, как градины.

Неужели я тоже страдал от нечувствительности к безопасности?

Или это была тревога из-за того, что придется начинать все с нуля?

Почему я бросился в такую опасную ситуацию?

"Может, так будет лучше..." - крикнул менеджер Ким и побежал прочь, но я не мог сдвинуться с места.

Нет, я мог бы сбежать, но не сделал этого.

Внезапно все стало казаться бессмысленным.

Честно говоря, мне было интересно, кто будет грустить, если я умру.

Хотя моя жена и дочь обещали вернуться через три года, они постоянно продлевали срок, используя учебу за границей как предлог.

Я ненавидел идею начинать все с нуля в моем возрасте, ненавидел разделенную семейную жизнь, а больше всего меня тошнило от жизни, которая постоянно рушилась именно тогда, когда казалось, что она должна улучшиться.

"... Отец, мама, простите... Я больше не могу..."

За разрушающейся стеной квартиры я увидел небо.

Я просил прощения у своих родителей на небесах.

Это невозможно объяснить, но я чувствовал себя ужасно виноватым.

Я всю жизнь упорно трудился, но выполнить их последние желания уже не было никакой возможности.

Я учился, как они велели, но не стал великим человеком, не заработал много денег и не смог достичь даже самой простой цели - жить счастливо со своей семьей.

Мне было достаточно жизни без прав и только с обязанностями и обязательствами.

Если бы Бог существовал, я бы хотел его проклясть.

Кто просил родиться с серебряной ложкой?

Если Он забрал моих родителей раньше времени, неужели Он не мог хотя бы дать мне спокойную жизнь после 30 лет тяжелой работы?

Сверху упал огромный кусок бетона.

Все вокруг рухнуло, и я тоже рухнул.

<http://tl.rulate.ru/book/109167/4197931>